

Александра Венс.
Истинные пары

Александра Венс. Истинные пары

Virael

Virael
de la Fer

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Virael de la Fer

Александра Венс. Истинные пары

«Автор»

2026

de la Fer V.

Александра Венс. Истинные пары / V. de la Fer — «Автор», 2026

Продолжение истории Александры Венс после прохождения "ритуала покорности". Теперь она "жена" Дана, хотя те же оборотни используют более емкое слово. Вот только Саша не собирается так просто подчиняться и опускать руки. И быть той, кем ее называют.ВНИМАНИЕ. Всем персонажам в эротических сценах есть 18 лет или больше. Примерно до пятой главы платной будет только последняя глава.

© de la Fer V., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пленница	5
Глава 2. Ева	10
Глава 3. Дан	15
Гла	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Virael de la Fer

Александра Венс. Истинные пары

Глава 1. Пленница

Сознание возвращалось медленно. Как утренний туман надо водой, который нехотя рассеивается стоило подниматься все выше. Я не знала, сколько прошло времени — минуты, часы, дни, хотя последнее точно сомнительно. Первое, что я почувствовала, была вода. Тёплая, почти горячая, она обволакивала моё тело, плескаясь на уровне груди, омывая его, и всё, что было до этого момента. Я не помнила, что было до этого момента, я вообще ничего не помнила, но то, что это самое "было" присутствовало, понятно и так.

Потом включились запахи. Травы — мята, лаванда, что-то ещё, горьковатое и тёплое, как дым от костра. Запахи пропитали воздух, проникали в лёгкие, успокаивая, приглушая боль, которая всё ещё пульсировала глубоко внутри, хотя я не могла понять, откуда она взялась.

Третье — чьи-то руки. Нежные, осторожные, они скользили по моему телу, омывали его, массировали мышцы, которые, казалось, превратились в камень или в кисель. Эти руки касаются моей шеи, плеч, спины, груди. Они не были грубыми, не были жестокими. Они были заботливыми.

Открыла глаза. Вокруг было темно, нет не так, малоосвещенно — только свечи, расставленные по углам, отбрасывали мягкий, жёлтый свет. Я увидела деревянные стены, большой каменный пол, и в центре — огромную деревянную бочку, наполненную тёплой, пахнущей травами водой. Пар поднимался от поверхности, оседая на моей коже капельками влаги.

Я лежала в этой бочке, погружённая в воду почти по грудь. Мои руки безвольно лежали на краях, пальцы слегка касались тёплой древесины.

— Где я? — спросила я, и голос мой был хриплым, как будто я не говорила несколько дней.

Руки, что мыли меня, замерли. Я повернула голову и увидела трёх девушек. Они стояли вокруг меня, опустив глаза, и их лица были спокойными, почти безразличными. Они не смотрели на меня, только на воду, на свои руки, на губки, которыми они водили по моей коже.

— Вы в доме Альфы, госпожа, — ответила одна из них, не поднимая глаз.

Я нахмурилась. Слово "госпожа" показалось мне чужим, неправильным.

— Я не госпожа, — сказала я, надеясь, что в моём голосе не слышалось раздражение.

— Госпожа, — повторила девушка, и её голос был спокойным, но твёрдым. Как у матери, что отвечает ребенку. — Вы сука Альфы, а значит госпожа.

— Какого Альфы?

— Нашего, — сказала девушка немного удивленным голосом. — Дана.

Имя ударило по памяти, как молния.

Дан.

Я закрыла глаза, и воспоминания хлынули потоком — яркие, болезненные, разрывающие на части.

Условие.

Я вспомнила его голос, холодный и спокойный, когда он объяснял мне правила.

«Ты должна пройти через ритуал покорности».

Ритуал. Я вспомнила, как он говорил это, как его глаза светились в темноте, как он смотрел на меня, как на вещь. Его насмешку в голосе и условие. И то как я проиграла те самые проклятые пятнадцать минут. Ритуал. Факелы, что горели по кругу, отсчитывая часы.

Сначала их было пятнадцать. Потом четырнадцать. Потом меньше. С каждым погасшим факелом я теряла частицу себя, и в тоже время приближалась к свободе.

Секс. Я вспомнила руки. Много рук. И соитий. Мужчины, оборотни, они касались меня, хватили меня, входили в меня. Я не могла сосчитать их. Не могла запомнить их лица. Только руки. Только дыхание. Только боль. И толчки.

И фанал — Дан. Он начала этот ритуал, он же его и закончил. Укус. Его укус по завершению. Боль, которая пронзила меня насквозь, когда его зубы впились в моё плечо. Я вспомнила свой крик. И темноту.

Я открыла глаза и посмотрела на плечо. Там, чуть ниже ключицы, я увидела след — свежий, красный, ещё не заживший. Один. Хотя я помнила, что кусал меня не только он. Видимо остальные исчезли. Что-ж спасибо хоть за это. Мне как то не улыбалось ходить со шрамами от укусов на плечах. Но главное было не это.

Я поняла. Я прошла ритуал. Я выжила. И теперь, похоже, стала его сукой. Как там было?

"Если кто-то из стаи захочет, у тебя появляется еще один вариант. Маловероятный, но шанс. Волк может взять тебя в свой гарем, где ты станешь сукой. Скорее всего младшей сукой, но уже его. Это, конечно, лучше, чем быть просто сукой для всех, но это тоже надо заслужить."

— Я вспомнила, — сказала я тихо, и мой голос звучал пусто. — Я поняла, что произошло.

Девушки не ответили. Они продолжали мыть меня, их руки двигались синхронно, как у тех, кто делал это много раз. Я закрыла глаза и позволила себе расслабиться. Вода была тёплой. Руки были нежными. И хотя внутри меня всё ещё бурлил шторм, я знала, что сейчас я в безопасности. По крайней мере, на этот момент.

Я не знала, что будет дальше. Но знала, что выжила. И это было главное. Лежа в тёплой воде, позволяя девушкам мыть меня, и пытаюсь собрать мысли воедино. Они кружились, как листья в водовороте, не желая складываться в целостную картину. Тогда надо начать с простого. Кто хоть меня моет.

Я открыла глаза и посмотрела на девушек. Они были молодыми — на вид лет по шестнадцать-семнадцать. Тонкие, хрупкие, с опущенными глазами и спокойными лицами. Их руки двигались синхронно, как будто делали это сотни раз. Движения были нежными, но уверенными.

Одна из них привлекла моё внимание. У неё были необычные янтарно-карие глаза — тёплые, золотистые, с мягким отливом. Я узнала их. Я видела их раньше. Там, в кругу. Когда волчата окружили меня. Такие глаза у волчицы. Я вспомнила слова Грея и имена.

— Ты Ева, — сказала я утвердительно, смотря на нее.

Девушка замерла. Её руки остановились на мгновение, и она подняла на меня глаза.

— Да, госпожа, — ответила она тихо, и смущенная улыбка появилась на ее лице.

Я улыбнулась в ответ. Это была она. Та, что лизала мои руки, мои слёзы, когда я лежала на земле. Та, что была нежной.

— Спасибо, — сказала я. — За то, что была там.

Ева смущённо кивнула пряча глаза.

— Я не могла иначе, госпожа. Вы были доброй.

Я не знала, что ответить. Я просто кивнула и позволила ей продолжать мыть меня.

Через некоторое время я почувствовала, что готова выйти из воды. Я приподнялась, и девушки помогли мне подняться на ноги. Вода стекала с моего тела, оставляя на коже влажные дорожки. Сделала шаг, выходя из бадьи. Теперь я стояла на деревянном полу, чувствуя, как холодный воздух касается моего тела, и дрожала — то ли от холода, то ли от осознания того, где я нахожусь.

Девушки молча протянули мне большое полотенце. Я взяла его и попробовала вытереться, но полотенце выпало из рук, подхваченное Евой, и уже она стала проводить им по телу,

пока две другие поддерживали меня. Чувствуя, как ткань впитывает влагу я глубоко вздохнула собираясь с силами, и жестами попросила отпустить меня, что они и сделали, стоя рядом, готовые помочь, но не навязываясь.

— Оставьте нас, — сказала я, и мой голос прозвучал твёрже, чем я ожидала. — Все, кроме Евы.

Девушки молча поклонились и вышли из помещения, закрыв за собой дверь. Ева осталась стоять. Я огляделась в поисках одежды. Но рядом не было ничего — ни халата, ни платья, ни даже простыни, в которую можно было бы завернуться.

— Ева, — сказала я, — мне нужна одежда. Она подняла на меня глаза, и в её взгляде я увидела что-то похожее на смущение.

— Госпожа, — сказала она тихо, — одежду можно получить только с разрешения Альфы. Я не могу без его приказа.

Вздохнула. Конечно. Конечно, всё здесь было подчинено его воле. Даже право одеться.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда хотя бы скажи, где я могу найти Дана.

— Альфа на втором этаже, госпожа, — ответила Ева, — но вход туда только с его разрешения. Или с разрешения старшей госпожи.

— Кто такая старшая госпожа?

— Старшая сука Альфы, госпожа. Она вторая по старшинству после Альфы. Её слово имеет силу, но только в его отсутствие.

— И где она? — спросила я, чувствуя, как внутри меня закипает раздражение.

— Её нет в поселении, госпожа. Альфа отправил её по делам. Она вернётся через несколько дней.

Я закрыла глаза и глубоко вздохнула, гася раздражение вспыхнувшее внутри меня

— Что мне делать, пока она не вернулась? — спросила я, открывая глаза.

Ева подняла на меня взгляд.

— Нам был дан приказ вымыть вас, а после накормить, госпожа. Хорошо. По крайней мере, у меня будет еда. И время. Время, чтобы подумать, чтобы понять, что делать дальше.

— Тогда веди меня на кухню.

Ева кивнула и направилась к двери, жестом показав следовать за ней. Ну я и последовала, ничего другого и не оставалось, чувствуя, как пол холодит мои босые ноги.

Мы вышли из ванной, хотя скорее это можно было бы назвать термой, и оказались в длинном коридоре. Стены, как и все вокруг, были деревянными, тёплыми, с резными узорами, которые я не могла разобрать. Где-то вдалеке горели свечи, отбрасывая мягкий, жёлтый свет. Похоже тут принципиально ничего не делалось из камня.

А еще удивляло отсутствие освещения. С другой стороны откуда оно тут могло быть если поселение было спрятано в лесу. Я шла за Евой, чувствуя, как ветер касается моего тела. Я оставалась нагой. Совершенно. И от этого чувствовала себя уязвимой — больше, чем когда-либо раньше, даже больше чем во время испытания. Не чтобы я стеснялась своего тела, но отсутствие одежды, даже самой минимальной, нервировало. Я не позволяла себе думать об этом. Я просто шла.

Мы зашли на кухню. Это была большая, просторная комната с массивным деревянным столом в центре. В углу стояла печь, от которой исходил жар, и на ней что-то булькало в большом котле. В воздухе витал запах свежего хлеба, трав и жареного мяса. А еще было окно. При взгляде на которое было понятно, что сейчас утро. Вечером солнце светит совсем иначе. Значит я была в отключке всю ночь.

За столом сидели две женщины. Они были одеты в простые, тёмные платья, их волосы были собраны в пучки, а лица — спокойными, почти безразличными. Когда мы вошли, они подняли головы, посмотрели на меня. В их глазах не было ни намека на удивление. Но наше

появление чем-то помешало им. Они встали. Молча. И, не сказав ни слова, вышли из кухни через другую дверь.

Я проводила их взглядом и повернулась к Еве.

— Что это было? — спросила я, чувствуя, как внутри меня закипает раздражение. Ева опустила глаза.

— Это тоже суки Альфы, госпожа. Младшие.

Конечно. Конечно, у него было больше женщин. Почему я вообще удивлена? Он — Альфа. Он — вожак. И у него есть своя иерархия.

— Сколько жён у Альфы? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Ева замялась. Её глаза метнулись в сторону, и я увидела, как она сжала пальцы на краю платья.

— С вами... пят... четыре, госпожа, — сказала она, и в её голосе послышалась неуверенность.

Я нахмурилась.

— Ты хотела сказать пять, — сказала я, чувствуя, как внутри меня закипает холодная злость. — Почему?

Ева подняла на меня глаза, и я увидела в них смущение и что-то ещё — почти страх.

— Госпожа Кэт — старшая. За ней Райна и Селин. Потом — она запнулась, но потом добавила, опуская взгляд, — вы. И я.

Я замерла.

— Ты ребёнок! — вырвалось у меня. Мой голос был резким, почти злым.

— Мне уже восемнадцать, госпожа, — тихо ответила Ева, и я увидела, как она сжалась. — Я посвящена Альфе. Пусть пока и не имею статуса его суки.

— Педофил хренов, — прошипела я сквозь зубы. Я чувствовала, как внутри меня закипает ярость — не на Еву, на него. На этого мужчину, который собирал женщин, как коллекцию. Который брал их, когда хотел, и ставил в иерархию, где они были просто вещами. Я попыталась успокоиться.

— Расскажи мне о них, — сказала я, открывая глаза и глядя на Еву. — Расскажи мне о жен.. о суках Альфы. Кто они? Что они из себя представляют?

Ева кивнула и начала говорить, и её голос стал спокойнее.

— Старшая — Кэт. Теневая Кэт. Она его жена уже более двухсот пятидесяти лет. Она была с ним, когда он ещё не был Альфой. Она — его правая рука. Она управляет домом, когда его нет. Она — единственная, кто может с ним спорить а в доме и остаться в живых.

Я сглотнула. Двести пятьдесят лет. Она была с ним дольше, чем я могла себе представить. Она была частью его мира, его истории, его власти.

— А остальные? — спросила я.

— Райна, — продолжила Ева, — младшая сестра Кэт. Она живёт здесь уже около ста лет. Она молчаливая, но сильная. Она охраняет дом, когда Альфы нет. Селин — она самая младшая из них. Ей около пятидесяти. Она тихая и спокойная, она редко выходит из своей комнаты.

— А ты? — спросила я, глядя на Еву. — Почему ты здесь?

Ева опустила глаза. — Я родилась в стае, госпожа. Моя мать была сукой Альфы. Второй после Кэт. Но год назад она погибла. Когда она умерла, я стала его. Это традиция.

Я не знала, что сказать. Слова застряли в горле.

— Традиция? — повторила я, чувствуя, как внутри меня закипает новая волна ярости. — Традиция — это когда ребёнка отдают в рабство?

Ева подняла на меня глаза, и в них я увидела что-то новое. Не смущение. Понимание.

— Это не рабство, госпожа, — сказала она тихо. — Это честь. Быть сукой Альфы — это привилегия. Это значит, что ты защищена. Что у тебя есть место. Что ты нужна.

Я хотела возразить. Хотела сказать, что это не честь, наоборот, это унижение. Но, посмотрев в её глаза, поняла, что мои слова ничего не дадут. Она действительно верит в это. Она не была жертвой. Она была частью этого мира. И она принимала его правила. Такими, какими они есть.

Я покачала головой.

— Ладно, — сказала я. — Оставим это. Расскажи мне лучше, как здесь всё устроено. Что мне делать? Куда мне идти? Что я могу и что не могу?

Ева посмотрела на меня с лёгким удивлением.

— Госпожа, вы можете ходить по дому, но не покидать его без разрешения Альфы. Вы можете есть и пить всё, что найдёте на кухне. Вы можете... ждать.

— Ждать, — повторила я. — И всё?

— И всё, госпожа, — сказала она.

Я снова вздохнула и подошла к столу. На нём стояла тарелка с хлебом и мясом, и я почувствовала, как голод начинает давать о себе знать. Я села, взяла кусок хлеба и откусила. Он был тёплым, свежим. И я почувствовала, как внутри меня разливается что-то тёплое.

— Садись, — сказала я, кивая Еве. — И расскажи мне всё, что знаешь о Дане. О стае. О том, что здесь происходит. Всё.

— Я не могу, госпожа. Это запрещено. Если Альфа захочет, он сам все расскажет.

Мне оставалось только смириться. Что терзать Еву, если она выросла на тех правилах, что навязаны Даном. А, скорее, не только им, а вообще миром оборотней. Но мне нужна информация. А значит надо расположить малышку к себе. Ее и возможно и остальных су.. нет, я не буду называть их "суками". Они такие женщины и девушки, как и я. И относиться к ним так, как их тут называют я не собираюсь.

Глава 2. Ева

Я села за стол, пока Ева наливала мне чай. Оказывается, кофе в доме не было. И вообще слово «кофе» вызвало у девушки ступор. Она посмотрела на меня так, будто я спросила её о чём-то совершенно невозможном. Тогда я поняла, что она никогда не покидала поселение. За исключением леса. Вопросов к Дану накапливалось всё больше.

Решив не пытаться её попытками объяснить, что это за напиток, я перешла к вопросам о самом поселении.

Ева говорила неохотно, как будто каждое слово давалось ей с трудом. Но я не давила — я просто ждала, позволяя ей говорить в своём темпе.

— Мы живём здесь уже больше двухсот лет, — сказала она, опустив глаза. — Лес вокруг нас — наша территория. Мы охраняем его от чужаков. Никто не входит без разрешения Альфы. Никто не выходит без его ведома.

Я слушала, собирая из рассказа Евы пазл, который постепенно складывался в картину.

— И много вокруг таких поселений?

— Не знаю. Раньше было несколько стай. Но сейчас остались мы и ещё одна стая на севере.

— Стая? — переспросила я, заметив её слово. — Ты сказала «стая», а не «жители» или «община».

Ева кивнула.

— Мы не просто живём вместе, госпожа. Мы — стая. Мы связаны. Не кровью, а чем-то большим. Это очень сложно объяснить словами. Мы чувствуем друг друга. Мы понимаем друг друга. Даже на расстоянии. Кто-то ощущает только единоутробных братьев и сестер. Или побратимов. А кто-то, как Альфа, при желании может почувствовать каждого из племени, как единый организм под его руководством. Мы подчиняемся Альфе. Он — наша связь и наш закон.

Я нахмурилась.

— Почему ты называешь Дана только как Альфа? — спросила я. — И перестань называть меня госпожой. Меня зовут Саша. Или Александра. Но не госпожа. К тому же, хоть я этого не принимаю и не понимаю, ты сама сказала, что мы жёны, или как вы говорите, суки Альфы. Хотя своё мнение по этому поводу я оставлю при себе. Поняла меня?

Ева подняла на меня глаза. В них мелькнуло удивление.

— Да, госп... — она запнулась, поймав мой взгляд, и поправилась: — Да... Саша. А что значит «Александра»? Это какой-то титул у вас, у людей?

Вопрос застал меня врасплох. Я смотрела на неё и видела искреннее любопытство. Она действительно думала, что мое полное имя — это титул. И что я ношу его как знак статуса, как Дан владеет титулом Альфы. Я едва не рассмеялась от такого, но сдержалась, чтобы не обидеть девочку. Хотя в голове продолжало крутиться: "Её Александричество Саша Венс!"

— Нет, Ева, — сказала я, с трудом подавив улыбку. — Александра — это не титул. Это имя. Мое полное имя. Мои родители назвали меня Александрой, толи в честь прабабки, толи в честь одной из королей Британии, не помню точно. И дали мне это имя, когда я родилась. У людей это просто... способ отличать друг друга. Носить одно официальное имя и несколько его сокращений или вариаций.

— Как клички у волчат? — спросила она, и в её голосе послышалось искреннее любопытство. Она наклонила голову, как делала это в волчьем обличье, и я снова увидела в ней ту самую Еву, которая вылизывала мои слёзы.

— Да. Можно сказать, как клички у волчат. Одно имя — полное, официальное, которое записано в документах. И другие — сокращённые, которые используют близкие или друзья.

Меня зовут и так и так. Или Алекс, если хотят сократить ещё сильнее. А также иногда Шура, хотя последнее я терпеть не могу.

Ева нахмурилась, и я увидела, как она пытается переварить эту информацию. Её брови сошлись к переносице, и она слегка прикусила губу — жест, который делал её ещё более юной.

— Два имени? Даже три, а то и четыре. — переспросила она. — Зачем? Разве одного недостаточно, чтобы тебя узнавали?

— Наверное, одного достаточно, — сказала я. — Но это просто... традиция. У людей так принято. Полное имя звучит официально, серьёзно. А сокращённое — по-дружески, по-родному. Это показывает, насколько ты близок с человеком. Кого-то ты называешь полным именем, а кого-то сокращённым, и это говорит о ваших отношениях.

Ева смотрела на меня с лёгким непониманием, и я вдруг осознала, что она не знает этого. Она не знает, что значит быть близким с кем-то за пределами стаи. Что значит иметь друзей, которые не являются частью твоей иерархии. У неё вообще не было понятия «личного общения» — только отношения внутри стаи, где всё строго регламентировано.

— Это сложно, — сказала она наконец. — У нас всё проще. Есть Альфа, ты можешь быть сукой Альфы, его побратимом и подчиненным. Но всегда ты — волк или волчица стаи. Имён у нас почти нет. Только то, которые даются при рождении. Имена для людей мы берём, когда общаемся с внешним миром.

— А кто ты, — переспросила я. — То есть ты не Ева для них? Ты — будущая невеста Альфы? И все? Если я правильно тебя поняла.

— Я — Ева, — сказала она, и в её голосе послышалась лёгкая обида. — Но я — младшая сука Альфы. Это моя роль. И все знают, кто я.

Я смотрела на неё, и мне казалось, что я вижу клетку, в которой она живёт. Она даже не знала, что за пределами этого леса есть целый мир. Что есть другие города, страны, люди. Она не знала, что такое кофе. Она не знала, что у людей могут быть два имени. Она не знала ничего, что для меня было обыденностью.

— Скажи мне, Ева, — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал мягко. — Как так вышло, что ты не знаешь таких простых вещей? Что ты никогда не слышала о таком напитке, как кофе? О том, что у людей могут быть разные имена? О том, что есть другие города?

Ева опустила глаза. Её пальцы сжали край платья, и я увидела, как она напряглась. Я уже поняла, что это бывает когда я задаю странные, "неудобные" для нее вопросы, на которые она не может дать однозначного ответа

— Нас учат только самому необходимому, — сказала она тихо. — Базовые науки — чтение, письмо, счёт. Этому учат всех. Но мужчинам дают больше. Географию, языки, историю мира за пределами леса. Девушкам это не нужно.

— Как не нужно? — переспросила я, чувствуя, как внутри меня закипает новая волна возмущения. — Почему не нужно?

Ева пожала плечами.

— Девушки редко покидают поселение, — сказала она. — Мы должны знать, как устроен наш дом, как заботиться о стае, как угодить Альфе. Всё остальное — лишнее. Мужчины охраняют границы, общаются с чужими, торгуют. Они должны знать, что происходит снаружи. Мы — нет. Очень немногие имеют право отлучаться из поселения и нашей территории. Из женщин только Кэт и еще несколько волчиц.

— Вы никогда не покидаете поселение? — спросила я, и мой голос прозвучал резче, чем я хотела.

— Иногда мы ходим в лес, — сказала Ева. — Вместе с другими. Но только с разрешения Альфы. И никогда — дальше, чем позволяет граница.

Я смотрела на неё, и мне казалось, что я вижу клетку, в которой она живёт. Она даже не знала, что за пределами этого леса есть целый мир. Что есть другие города, страны, люди.

Она не знала, что такое кофе. Она не знала, что у людей могут быть два имени. Она не знала ничего, что для меня было обыденностью. Она была как птица, которая никогда не покидала свою клетку, и даже не подозревала, что клетка существует.

Я думала о том, как это должно быть — жить в мире, где твоя ценность определяется тем, кому ты принадлежишь. Где твоё имя — это не отражение твоей личности, а просто ярлык, указывающий на твоё место в иерархии. Где ты никогда не узнаешь, что такое кофе, потому что твоя роль не требует этого знания. Где ты никогда не узнаешь, что за пределами леса есть города, потому что тебе никогда не разрешат их увидеть.

— У этого поселения есть название? — спросила я, уже зная ответ.

Ева покачала головой.

— Зачем? Это просто поселение. Здесь живёт стая. Имя не нужно.

— У людей всё имеет имя, — сказала я, чувствуя, как слова застревают в горле. — Города, улицы, дома. Мы любим называть вещи. Это помогает нам чувствовать, что мы их контролируем.

— Здесь никого не нужно контролировать, — сказала Ева. — Альфа контролирует всё. И имена не нужны.

Я замолчала, чувствуя, как внутри меня что-то меняется. Я не могла изменить этот мир. Не сейчас. Но я могла понять его. И, возможно, когда-нибудь — изменить его.

Я смотрела на Еву, и в голове всплыли слова Алекса, сказанные когда-то давно, в другой жизни. Тогда они казались просто историей, частью его мира, который я не до конца понимала. Теперь же они звучали иначе.

— Ева, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — А как у вас происходит... ну, выбор партнёров? У вас есть сезон, когда волки... когда они находят друг друга?

Ева подняла на меня глаза, и я увидела в них лёгкое удивление.

— Вы говорите о гоне, — сказала она. — Весеннем гоне.

— Да, — кивнула я. — Алекс говорил мне об этом. Он сказал, что у него было три... — я запнулась, чувствуя, как слова застревают в горле. *Три суки*, — мысленно поправила я себя, но это выражение всё равно вызывало отторжение. — Три партнёрши за всё время. Это было весной. Он говорил, что это просто... физиология. Что это ничего не значит. — Я посмотрела на Еву. — Это правда?

Ева кивнула, и я заметила, как её пальцы сжались на краю платья. Она явно чувствовала себя неловко, но ответила честно:

— Это правда. Гон — это время, когда волки чувствуют друг друга сильнее. Инстинкты берут верх. Мы не можем их контролировать. Это часть нашей природы. В это время все могут участвовать со всеми. Это не выбор. Это зов.

— Зов, — повторила я, чувствуя, как это слово оседает где-то внутри. — Зов тела?

— Зов крови, — поправила она. — Зов волка внутри. Когда наступает весна, мы чувствуем друг друга иначе. Запахи становятся ярче. Прикосновения — острее. Мы не можем сопротивляться этому. Мы не должны.

— Но у тебя этого ещё не было, — сказала я, и это прозвучало скорее как утверждение, чем как вопрос.

Ева покачала головой.

— Нет, — сказала она, и в её голосе послышалась едва заметная дрожь. — Это только после прошествия двадцати вёсен. Мне рано. Мне нельзя выходить в лес во время гона. Это запрещено. Моя волчица слишком молода. Ей нет даже года.

Я смотрела на неё, и меня поразила не просто сама информация, а то, как она произнесла эти слова. Не с обидой, не с сожалением, а с чем-то похожим на облегчение. Она была рада, что ей ещё рано. Она не хотела этого.

— А когда ты станешь старше, — спросила я, — ты будешь участвовать в гоне? Ты будешь выбирать?

Ева подняла на меня глаза, и в них я увидела что-то, что трудно было назвать страхом. Скорее — неуверенность.

— Я не знаю, — сказала она тихо. — Я никогда не думала об этом. Это просто... это случится. И я приму это. Как и все.

— Но ты можешь захотеть чего-то другого, — сказала я. — Ты можешь захотеть быть с кем-то, кто тебе нравится. Или не быть ни с кем.

Ева нахмурилась, и я увидела, как она пытается переварить мои слова.

— У нас нет такого понятия, — сказала она. — Если волк чувствует зов, он идёт за ним. Если он не чувствует — он остаётся в стороне. Всё просто. Нет выбора. Есть только природа. И Альфа следит за тем, чтобы она не нарушала порядок.

— Но он не решает, кто с кем будет, — уточнила я, вспоминая слова Алекса.

Ева покачала головой.

— Нет, — сказала она. — Альфа решает только то, как будет проходить гон. Он охраняет территорию, следит, чтобы никто не пострадал. Но он не выбирает, кто с кем будет. Это не в его власти. Это в нашей крови. Гон — это не выбор. Это судьба.

Я смотрела на неё, чувствуя, как её слова ложатся в мою картину мира. Это было дико, нелогично, странно, но в этом была своя правда. Их мир был устроен иначе. И я не могла судить его по своим меркам.

— Спасибо, — сказала я тихо. — За то, что рассказала.

Ева кивнула и опустила глаза, и я почувствовала, что между нами установилось что-то новое. Что-то, что было похоже на доверие. На понимание.

Я хотела спросить ещё что-то, но не успела.

Дверь на кухню открылась, и на пороге появился Дан. Он вошёл неспешно, и я сразу почувствовала, как воздух в комнате изменился — стал плотнее, тяжелее. Ева мгновенно поднялась, опустив голову, и, не дожидаясь его слов, скользнула к выходу. Она двигалась бесшумно, почти как тень, и я снова отметила, как органично она вписывается в этот мир, где каждое движение подчинено невидимым правилам.

Дан не смотрел на неё. Его взгляд был устремлён на меня.

— Оставь нас, — сказал он, даже не повернув головы.

Ева исчезла за дверью, и я осталась одна с ним за этим большим деревянным столом. Он сел напротив меня, откинувшись на спинку стула, и теперь я наконец могла рассмотреть его при дневном свете.

Он оказался старше, чем я запомнила. Не старым, но в его лице чувствовалась прожитая жизнь — следы времени, которые не скрывала даже его волчья природа. Ему было около тридцати пяти, и это читалось в жёстких линиях его челюсти, в глубоких морщинах у глаз, в той спокойной уверенности, которая приходит только с годами. Его лицо было волевым, даже суровым, с резкими скулами и прямым носом. Над левой бровью, почти у самого виска, виднелся шрам — старый, побелевший, который рассекал бровь пополам, придавая его взгляду что-то хищное. Ещё несколько тонких белых линий пересекали его скулы и подбородок, словно карта старых битв, которые он не пытался скрывать.

Волосы — серо-седые, с серебряным отливом, как у старого волка — падали до плеч небрежными прядями. Они были влажными, как будто он только что мылся, и я заметила, как капли воды скатывались по его шее, исчезая за воротом футболки. Футболка была белой, простой, но на ней был принт — схематичное изображение волка, воющего на луну. Это было до смешного банально, почти по-туристически, и я почувствовала, как внутри меня поднимается нервная усмешка.

Я сдержала её, не позволив себе улыбнуться. Но про себя отметила:

"Даже у жоака стаи еать чувство юмора. Или ему кто-то подарил эту футболку на день рождения. И он не знает, как отказаться."

Его глаза смотрели на меня с той же холодной насмешкой, что и в прошлый раз. Они были светло-голубыми, почти прозрачными, и в них читалось всё то же превосходство, которое я чувствовала, когда он впервые вошёл в круг. Он смотрел на меня так, будто знал все мои секреты, будто читал мои мысли, будто я была открытой книгой, которую он уже прочитал до конца.

Его руки, лежащие на столе, были сильными, с рельефными венами, которые проступали под кожей. Пальцы были длинными, с аккуратными ногтями, но на костяшках виднелись старые шрамы — следы кулачных боёв, которые не зажили до конца. Он был мощным, но не перекачанным, как те, кто тратит часы в спортзале. Его тело было создано для другой цели — для охоты, для бега, для борьбы.

Он молчал, просто смотрел на меня, и я чувствовала, как его взгляд скользит по моему лицу, по моим плечам, по моим рукам, сложенным на столе. Он не торопился. Он давал мне время рассмотреть его, и это было частью игры.

Я выдержала его взгляд, чувствуя, как внутри меня закипает что-то тёмное. Не страх. Не злость. Что-то другое — почти вызов.

— Ну что, насмотрелась? — спросил он, и в его голосе послышалась лёгкая насмешка.

— Почти, — ответила я, чувствуя, как мои губы сами собой складываются в улыбку. — Шрам над бровью — это откуда?

Он усмехнулся, и в этой усмешке я увидела искру — не злую, а почти человеческую.

— Это был мой первый настоящий бой, — сказал он. — Мне было шестнадцать. Я думал, что я бессмертен. Противник оказался старше и умнее.

— И что, он победил?

— Я сижу перед тобой, — сказал Дан. — Так что делай выводы сама.

Глава 3. Дан

Сидя напротив Дана, чувствуя, как его взгляд скользит по лицу, по плечам, по рукам, груди, я старалась не думать о том, как выгляжу — голая, с мокрыми волосами, с чашкой остывшего чая в руках, которая была единственной защитой. И то, мягко говоря, скверной. Уязвимость, открытость, желание сжаться в комок или прикрыться руками — всё это кипело внутри, но не позволяла себе этого делать. Сидела ровно, встречала его взгляд и пыталась игнорировать тот факт, что он видит каждую родинку, каждую царапину, каждое движение.

Сколько продолжалось наше противоборство взглядами я не знала. Может быть, минуту. Может быть, пять. Он не торопился. Давал мне время, и это было частью игры. Ощущать себя голой — не только потому, что на мне не было одежды, а потому что он смотрел так, будто читал все мысли, будто знал каждую слабость. И от этого становилось ещё труднее.

Но сдаваться не собиралась. Я должна была задать вопросы. Понять, что происходит, что будет дальше, как выжить в этом мире. Позволить себе просто сидеть и ждать, пока он решит, что мне можно знать, а что нет, было не в моих правилах. Не в натуре Александры Венс. Хотя и соперник достался кратно превышающей всех, с кем я встречалась до этого.

— У меня есть вопросы, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Дан усмехнулся, откинувшись на спинку стула. Его руки лежали на столе — сильные, с рельефными венами, с шрамами на костяшках. Он выглядел расслабленным, но в нём чувствовалась скрытая сила. Сила хищника, готового, в любую секунду, к прыжку или иному действию.

— Я слушаю, — сказал он, и его голос был спокойным, почти скупающим.

Глубокий вдох, собираясь с мыслями. Одежда — первое, что пришло в голову. Я не могла сидеть так вечно, не могла ходить голой по этому дому. Мне было нужно что-то, что защитило бы не только от холода, но и от этого чувства уязвимости, от его взгляда, который, казалось, проникал сквозь кожу.

— Одежда, — сказала, глядя ему прямо в глаза. — Не могу ходить голой.

Дан усмехнулся, и в этой усмешке послышалось что-то похожее на одобрение. Самую малость. Его взгляд скользнул по телу — медленно, оценивающе, как будто рассматривал свою собственность. Что, в общем-то, было правдой. Я была его. Его сукой, как тут говорили. Его собственностью. И он имел право смотреть так, как хотел. Даже если меня это раздражало до дрожи.

— А почему нет? — ответил он. И в его голосе послышалась лёгкая насмешка. — Это очень даже неплохо выглядит. Эстетично.

Кровь прилила к щекам, но взгляд не отвела. Эстет хренов. Он пытался смутить, вывести из равновесия. Но я этого не позволю.

— Потому что я не буду ходить голой, — сказала, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем чувствовала себя. — Я человек. Я привыкла к одежде. Мне нужно что-то, что защитит от холода.

— Здесь тепло, — сказал Дан. — Или не заметила?

— Заметила, — ответила я. С тоской подумав *"Куда меня черт, а точнее, волк дерит несет?"* Причем в понятие "дери" закрадывался совершенно не тот смысл, что подразумевался изначально. — Но это не отменяет того факта, что я не хочу ходить голой. Это унижительно. И ты это знаешь.

Дан наклонил голову, разглядывая с новым интересом.

— Ты смелая, — сказал он. — Мне это нравится. Но смелость не всегда оправдана. Ты просишь одежду — я подумаю. Но не рассчитывай на то, к чему привыкла. Ты в стае. Здесь всё по-другому.

Внутри закипало раздражение. *"Он подумает. Он решит. Он разрешит. Всё в этом мире зависело от его воли"*. Это бесило. Беспомощность, зависимость от его решения. Но я ничего не могла с этим сделать. Не сейчас.

— Что значит «по-другому»? — спросила, чувствуя, как голос становится резче. — Что собираешься дать? Какую-то тряпку, которая будет скрывать только самое необходимое? Или хочешь, чтобы ходила в том, что подчёркивает каждый изгиб? Внезапно вспомнился секс ролик, что мне скидывала Джесс. Она была фанаткой ролевых игр. Поэтому тот ролик не мог не попасться ей на глаза. Там девушки играли в настолку отыгрывая свои роли очень.. хмм.. оригинально. И одеяние одной из них, эльфийки, кажется, во время секс сцены было... Короче это были золотые цепочки. И я сейчас представила себя в них. Выглядело... Как я в этот момент не покраснела — не знаю.

Дан усмехнулся, и в его глазах мелькнула искра.

— А если скажу, что дам то, что подчёркивает каждый изгиб? — спросил он. — Откажешься?

— Если будет выбор — да, откажусь, — сказала я мысленно читаю как ментру *"Не думать. Не думать! Ты не Арейна, мать твою, Лиса"* От нервов, от этого раздевающего, хотя снимать с меня было нечего, взгляда, я даже имя ее вспомнила! — Но понимаю, что выбора нет. Поэтому скажи прямо: что собираешься дать?

Дан помолчал, разглядывая, и его взгляд стал тяжелее. Изучал, как будто решал, сколько информации можно вынести.

— Я подумаю, — сказал он наконец. — А пока — сиди так. Мне нравится.

Внутри кипела злость. Он играл. Он наслаждался беспомощностью. И с этим ничего нельзя было сделать.

— Хорошо, — сказала, надеясь, чтобы голос звучал ровно. Уверенно. Даже с учетом того что уверенности, как уже бывало при его нахождении рядом, не было — Тогда следующий вопрос...

Пауза, собираясь с мыслями. Посмотрела в окно. Там светило солнце, что помогло задать мне следующий вопрос. Даже два. И первый был про выход на улицу. Я не могла сидеть запертой в этих стенах. Я должна дышать, видеть небо, чувствовать ветер. Иначе сойду с ума.

— Я не могу сидеть здесь в четырёх стенах, — повторила вслух свои мысли. — Не могу просто ждать, пока ты решишь, что мне можно выйти. Нужно на улицу. Дышать. Видеть небо.

— Ты видишь небо из окон, — ответил он..

— Это не то, — перебила я его. — Я не могу сидеть взаперти. Это сводит с ума.

— Это ты сводишь меня с ума, и не только меня. — сказал Дан, и в его голосе послышалась лёгкая насмешка. — Но я готов пойти тебе навстречу.

Внутри затеплилась надежда, но не я позволила ей проявиться. Не хотела показывать, что его слова что-то значат.

— Что имеешь в виду? — спросила, чувствуя подвох. И он не замедлил появиться.

Дан наклонился вперёд, положив руки на стол.

— Ты можешь выходить из дома, — сказал он. — Но только в моём присутствии. Или в присутствии тех, кому я доверяю. И только на территории поселения. Ты не можешь покидать его границы. Это ясно?

Сглотнула. Это было не то, чего хотела. Но лучше, чем ничего.

— Хорошо. Тогда мне опять же нужна одежда, чтобы выходить на улицу. Или ты хочешь, чтобы — я усмехнулась делая вид, что принимаю часть их правил. — твою суку видели голой в поселении?

Дан усмехнулся в ответ, и в этой усмешке виделось что-то новое — почти восхищение.

— А почему нет? — спросил он. — Все знают, что ты моя. Никто не тронет. Можешь ходить голой, и никто не посмеет даже прикоснуться без моего разрешения.

Снова вспыхнула злость. Снова. Он снова меня переиграл. Снова показывал, что у меня нет права голоса.

— Это не вопрос разрешения! Это вопрос моего достоинства. Я не буду ходить голой перед незнакомыми людьми. Это унижительно!

— Ты уже была голой перед незнакомыми людьми. Хотя тут нет людей, кроме тебя. И не только была, — сказал Дан, и его голос стал холодным. — Ты прошла ритуал. Все, кто был там, видели тебя. Были в тебе. И это не было унижительно. Это было... необходимо.

Его слова впивались, как иглы. Напоминал о том, что пыталась забыть. О прошедшей ночи. О руках. О глазах. О том, как стояла на коленях перед незнакомцами, позволяя им делать всё, что они хотят.

Закрывает глаза, пытаясь прогнать воспоминания, но они возвращались снова и снова.

— Это было твое условие, — сказала, чувствуя, как голос становится тише. — Это не значит, что хочу повторять это каждый день.

Дан помолчал, разглядывая, и его взгляд не капли не смягчился. Он не заметил, или, что было вернее, сделал вид, что не заметил, как задел за живое.

— Ты будешь делать то, что я скажу. И так как я скажу. — сказал он жестко. — Но хорошо, я подыграю тебе. И распорядюсь, чтобы принесли одежду. Но не надейся, что это будет то, к чему привыкла. Ты в стае. Здесь свои правила. Мои правила.

Снова раздражение вскипело внутри, но я не стала спорить. Иногда это бессмысленно. Особенно учитывая мое положение. Вместо этого перешла к следующему вопросу. Тому, который боялась задать, но должна была.

— Грей, — сказала, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее. — Где он? Что с ним?

Дан усмехнулся, и в этой усмешке послышался холод. Он ждал этого вопроса. И был готов ответить.

— Его зовут Грим, — сказал он. — И он жив. Его наказание сокращено до конца месяца, но до этого времени он будет там, где находится сейчас.

— Где? — спросила, чувствуя, как внутри закипает страх. — Где он?

— На цепи, — сказал Дан. — Там, где он был.

— Ты обещал, что если я пройду ритуал, он останется жив, — сказала, чувствуя, как голос становится громче. — Я прошла ваш чертов ритуал. Я здесь. А он всё ещё на цепи?

— Я обещал, что он останется жив. И что ты останешься жива. — сказал Дан. — Я не обещал, что он будет свободен. Он нарушил закон. Он должен понести наказание. Это справедливо.

— Это не справедливо, — сказала чуть обиженно. В тоже время понимая что он прав. Юридически никто не обещал нам свободу. — Он не заслуживает этого.

— Он заслуживает, — сказал Дан, и его голос стал жёстче. — Он привёл тебя сюда. Он открыл тебе наш мир. Он поставил под угрозу нашу стаю. За это надо платить.

— Привел ты.

Я смотрела на него, как обиженная девочка, которой сказали есть кашу вместо торта. Или как Грей еще в обличье волка смотрел на меня когда я сувала ему пилюли. Там на поляне. В прошлой, по сути, жизни. Дан был прав. Пусть он, а не Грей привёл меня сюда. Но именно Алекс открыл мне их мир. И открылся сам. Но не могла принять это. Не могла смириться с тем, что он страдает из-за меня.

— Когда его освободят? — спросила я, понимая что тишина становится очень уж тягучей.

— В конце месяца, — сказал Дан. — Если будешь хорошо себя вести.

Сплотнула. Это было условие. Как всегда. Всё было условием. Снова в ловушке, где единственный способ вырваться — подчиняться. И это бесило больше всего.

Вдохнула принимая это объяснение. В голове уже крутился следующий вопрос, который боялась задать. Учёба. Это было важно. Это было единственное, что связывало меня с моей прошлой жизнью, с тем миром, где я была человеком, а не вещью.

— Учёба, — сказала, чувствуя, как внутри поднимается что-то новое, почти отчаянное. — Мне нужно на учёбу. У меня есть занятия. Не могу просто пропустить их.

— Твоя учёба подождёт, — сказал Дан. Голос был ровным, безэмоциональным, как у человека, который говорит о погоде. — Сейчас лето. Если будешь послушной, съездим за твоими вещами и заберем, как там у вас говорят, твои документы.

— Нет, — выдохнула, чувствуя, как раздражение начинает закипать. — Не могу просто взять и бросить учёбу. У меня есть обязательства. Будущее. Я не могу всё это просто выбросить.

— Твоё будущее — здесь, — резко перебил меня Дан, и его голос стал чуть твёрже. Злее. Его начал утомлять наш разговор. И моя настырность. — Сейчас. Со мной.

Слова упали на стол, как камень. Здесь. С ним. Он говорил это так спокойно, так уверенно, будто решал за меня, что будет дальше. И это было страшнее, чем если бы он кричал или угрожал. Потому что он действительно верил в то, что говорил.

— Нет, — сказала, чувствуя, как голос становится сиплым, но я продолжала настаивать на своем. — Моё будущее — это моя жизнь. И не позволю тебе решать, что мне делать.

— Ты уже позволила, — сказал Дан, и его голос стал холодным, как лёд. — Когда согласилась на ритуал.

Слова повисли в воздухе. Сглотнула, чувствуя, как комок подступает к горлу. Он был прав. Я согласилась. Я выбрала это. Я выбрала выживание, выбрала его условия. И теперь должна была жить с этим. Но я не могла. Попыталась прогнать эту мысль, но она застряла где-то внутри, как заноза. Нужно было сменить тему. Нужно было спросить о чём-то ещё, что могло бы дать мне хоть какую-то опору.

— Мне нужен телефон, — сказала я, чувствуя, как внутри закипает страх, и вспоминая еще один момент, который ускользал до этой минуты. — Должна позвонить родителям. Они не знают, где я. Будут искать.

— Они не будут тебя искать, — сказал он. — Потому что они не знают, что ты пропала. Ты уехала одна, ночью, без предупреждения. Они думают, что ты просто решила побыть одна. Или что ты с друзьями. У тебя есть несколько дней, прежде чем они начнут беспокоиться. Может быть, неделя.

Холодный страх разлился внутри. Он был прав. Я никому не сказала, куда еду. Просто взяла ключи и поехала. Никто не знал, что отправилась в лес. Никто не знал, что встретила Дана. Никто не знал, что пропала. Если бы я исчезла завтра — никто бы не заметил. Никто бы не поднял тревогу.

— Но они будут искать, — сказала, чувствуя, как голос становится тише. — Они не оставят это просто так.

— Они будут искать, — согласился Дан. — Но не найдут. Потому что ты не хочешь, чтобы они нашли тебя. Потому что если они найдут тебя, они найдут наш мир. И тогда им придётся заплатить за это.

Внутри всё сжалось. Его слова впивались, как иглы. Он говорил это так спокойно, так уверенно, будто это было само собой разумеющимся. И я знала — он не шутит. Если мои родители узнают правду, они умрут. Или хуже.

— Ты не тронешь их, — сказала, и голос дрогнул. — Обещаешь?

Дан наклонил голову, разглядывая с новым интересом. Его глаза чуть прищурились, и я почувствовала, что он изучает меня, как противника, который только что раскрыл свою слабость.

— Я не трону их, — сказал он медленно. — Если будешь хорошо себя вести. Если будешь делать то, что я говорю. Если не попытаешься сбежать или связаться с кем-то. Тогда они останутся в безопасности.

Всё просто. Всё всегда было просто. Подчиняйся — и твои близкие живы. Нарушь правила — и они умрут. Шахматная доска, где я была всего лишь пешкой.

— Это шантаж.

— Это забота о стае, — ответил он. — Ты теперь часть этой стаи. Твоя семья — тоже часть этого мира. Если они узнают о нас, они станут угрозой. А угрозы нужно устранять. Ты этого хочешь?

Покачала головой, чувствуя, как слова застревают в горле. Нет. Конечно нет. Я не хотела, чтобы мои родители пострадали. Я не хотела, чтобы кто-то пострадал из-за меня.

— Тогда будь умницей, — сказал Дан. — И всё будет хорошо.

Хотела сказать ещё что-то. Хотела сказать ему, что у меня есть сестра. Ведь именно о ней я думала последнюю минуту. Что она должна приехать ко мне. Что она будет искать меня. Что она не должна пострадать. Но вовремя сумела остановиться.

Слова застыли на языке, как ледяные осколки. Если скажу это — он может использовать её. Может заставить её пройти через тот же ужас, через который прошла я. Такой участи не желала даже врагу. А Лекса не была врагом. Она была моей сестрой. Моей маленькой сестрой, которая должна была приехать ко мне, чтобы начать новую жизнь. Чтобы учиться. Чтобы быть свободной.

Прикусила язык. Слова так и остались невысказанными. И внутри, где-то глубоко, почувствовала, что только что сделала правильный выбор. Но он был горьким, как полынь.

— Ты хотела что-то сказать? — заметил Дан, и его глаза сузились. В них мелькнуло что-то похожее на интерес — холодный, изучающий, как у хищника, который заметил движение в кустах.

— Нет, — ответила, чувствуя, внутри страх. — Ничего.

— Уверена? — в голосе послышалась насмешка. Он явно видел, что я что-то скрываю, и это забавляло его.

— Да, — ответила, сжимая в кулаки пальцы под столом. — Уверена.

Дан помолчал, разглядывая меня. Взгляд стал тяжелее, как будто он взвешивал каждое моё слово, каждое движение. Потом медленно кивнул.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Тогда все?

Смотрела на него и чувствовала, как внутри поднимается что-то тёмное. Не злость. Не отчаяние. Что-то другое — упрямство, которое не позволяло просто сидеть и молчать. Должна была сказать. Должна была попытаться, даже если это бесполезно. Даже если это приведёт к чему-то, чего я боюсь.

— Я не буду сидеть здесь, — слова вырывались, становясь громче. — Не буду просто ждать, пока ты решишь, что мне можно делать. Хочу выходить из дома. Хочу знать, что происходит. Я хочу...

Не успела договорить.

Мир перевернулся — он стал смазанной тенью, рывком, который я не успела осознать. Одно мгновение он сидел за столом, а в следующее — его рука уже сжимала моё горло, прижимая к стене. Я больно ударилась о неё ягодицами, воздух вышибло из лёгких, в ушах зашумело. Пальцы на шее — не сильно, но достаточно, чтобы понять: он может раздавить меня, когда захочет.

— Ты слишком много хочешь, Сашенька, — его голос был низким, почти ласковым, отчего становилось ещё страшнее. — Напомнить, кем ты была несколько часов назад? Или вернуть тебя обратно?

Смотрела в его глаза — голубые, холодные, почти прозрачные, — и понимала, что внутри поднимается что-то неожиданное. Я должна была бояться. Дрожать, умолять, просить пощады. Но не могла.

Не его сила пугала. Не руки на горле. Не угроза в голосе.

Пугало другое.

Возбуждение. Оно поднималось изнутри, горячее, липкое, неконтролируемое. Тепло разливалось по телу, соски твердели, а между ног становилось влажно. От его запаха. От его близости. От власти, которую он имел надо мной. От того, что он прижимал меня к стене, и я ничего не могла с этим сделать.

Его зрачки чуть расширились — и я поняла, что он тоже чувствует это. Запах моего возбуждения.

Он не стал ждать. Его губы впились в мои — жёстко, требовательно, не давая времени на раздумья. Язык ворвался в рот, оставляя горьковатый привкус — кофе и ещё что-то, что не могла определить. Запах его дыхания заполнил лёгкие, и я почувствовала, как голова начинает кружиться.

А его ладонь скользнула вниз, накрывая лобок. Пальцы двигались ритмично, методично, без нежности, но с точностью, которая выдавала опыт. Находили клитор с каждой секундой всё увереннее, и я не могла сдерживать стоны, которые вырывались из горла, приглушённые его поцелуем.

Ненавидела себя за это. За то, что тело предавало снова и снова. За то, что хотела его даже сейчас, когда он держал меня за горло, когда показывал, кто здесь хозяин.

Но не могла остановиться.

Не хотела останавливаться.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.